

КИРИЛЛ МАРТЫНОВ*

У ПОСЛЕДНЕГО РУБЕЖА НАУКИ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БОРИСА ЮДИНА

Юдин Б. Г. ЧЕЛОВЕК : ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ / ПОД РЕД. Г. В. ЮДИНА. — М. : ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-200-209.

Статьи Бориса Юдина своего рода симптом состояния российской интеллектуальной культуры. Изданные посмертно под единой обложкой они являют читателю систематического мыслителя, работавшего на русском языке с актуальными темами, среди которых — биоэтика, трансгуманизм, границы человеческого и нечеловеческого в культуре и поиски нового статуса философской рефлексии в этих рамках. За идеями и методологиями в этих сферах мы отправляемся к первоисточникам — работам Питера Сингера, Фрэнсиса Фукуямы, Ника Бострома и других авторов. При этом работа, которая параллельно делается нашими старшими коллегами, остается в тени. Даже и в особенности в том случае, если она ведется на мировом уровне: то есть в отличие от «туземной науки» она требует серьезных временных и интеллектуальных затрат на свое изучение. Вероятно, виной тому традиционное еще для позднесоветского культурного контекста недоверие к «отечественному производителю», на которое накладывается все еще слабая культура академического рецензирования, отсутствие у исследователей доступа к полноценно работающим институтам интеллектуальной дискуссии (издательствам, семинарам, критике). Публикация текстов Юдина-старшего, подготовленная его сыном Григорием Юдиным, в этом смысле работает с двумя задачами. С одной стороны, сборник статей дает картину исследовательских интересов философа, систематически реактуализует его идеи. С другой — публикация задает пример работы с интеллектуальным наследием, которое не сдается в архив

*Мартынов Кирилл Константинович, к. филос. н., доцент, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), kmartynov@hse.ru.

**© Мартынов, К. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в качестве традиционного ритуала, но становится в ряд текстов, на которые могут ориентироваться исследователи.

Настоящая рецензия предлагает взглянуть на тексты Бориса Юдина (Юдин, 2018) именно под этим углом: как на актуальные и весьма спорные, провоцирующие полемику идеи, резонирующие с полями мировой философской мысли.

В статье «Технонаука и „улучшение человека“» и затем в четвертом разделе книги Юдин напрямую обращается к ядру дискуссий о human enhancement, касающейся, с одной стороны, перспектив трансгуманистического проекта, а с другой — прикладной медицинской и биоэтики. Под улучшением человека в современной социальной теории и биотехнологической практике понимается, в частности, элементы генной инженерии, создание искусственных органов, в том числе при помощи бионической 3D-печати, расширение возможностей органов чувств человека и развитие его когнитивных способностей при помощи технологического апгрейда: например, создание нейроинтерфейсов, позволяющих мозгу напрямую коммуницировать с компьютерами.

Здесь автор замечает, что вплоть до последних десятилетий человек как индивидуальное существо избегал технологических манипуляций с собственной персоной. Техника рассматривалась как способ преобразования всего доступного человечеству мира за исключением самого homo sapiens. Разумеется, одним из последствий технологической революции стало резкое развитие медицины. Однако она исторически рассматривалась в консервативном ключе как избавление человеческого тела от патологического состояния, но не как борьба за преобразование физиологии по образцу преобразования и покорения природы. Тем самым наша цивилизация вплоть до последних десятилетий старательно избегала реальной дискуссии о человеческой природе (если здесь уместно использовать этот эссенциалистский термин), предполагая, что это является, скорее, абстрактным упражнением для философов, чем неотложной проблемой. Вторжение практик human enhancement, использование которых сегодня мотивировано самыми разными соображениями, начиная от медицинских и этических и заканчивая спортивными и развлекательными, обозначает вопрос о человеке предельно конкретно. Если не пользоваться понятием «природы», под которой современные мыслители предпочитают понимать не столько универсальный разум немецкой философии, сколько совокупность биологических признаков человеческого вида, то вопрос о человеческом будет звучать так: как много мы хотим исправить в человеческом теле (и наших когнитивных

способностях)? Что нужно стремиться сохранить в человеке, чтобы мы могли продолжать быть представителями единого сообщества и строить человеческую (а не некоторую пост-) культуру?

Юдин в отличие от большинства российских авторов не предлагает априорно негативистскую аргументацию, отказывая человечеству или некоторым его представителям в праве на то, чтобы стать «чем-то лучшим». Он исходит из аксиомы неизбежности технологического прогресса: не существует значимых причин, по которым проект преобразования природы в конечном счете должен обойти стороной вид *homo sapiens*. Нормативная задача, сформулированная автором, заключается в том, чтобы определить границы и желанные цели такого преобразования, заново разграничив человека и животное с одной стороны, и человека и машину с другой. Граница между этими сущностями была очевидна натурфилософам классической эпохи, но к началу XXI становится все более размытой вместе с ростом числа исследований в области генетики и этологии, медицинских интервенций и технологий в сфере прикладного искусственного интеллекта. Актуальной демаркации базовых понятий посвящена, в частности, статья «Человек и машина: интимные связи».

Ясно, что любые рассуждения такого рода продолжают существовать в тени евгенических практик, характерных для социальных экспериментов (часто прямо военных преступлений) XX века. Однако сегодня у сторонников *human enhancement* есть популярное алиби: их эксперименты начинаются не в результате воли тоталитарного государства, но как дальнейшее развитие прав человека — конкретного права на жизнь, здоровье и счастье. Вне зависимости от того, насколько убедительными выглядят эти соображения, ясно, что для философов настало время мобилизации: очень старая дискуссия о человеке и человеческом вдруг оказалась на острие социальных, инженерных и этических проблем. Похожая ситуация, к слову, сложилась еще в середине прошлого века с появлением первых компьютеров. Тогда Алан Тьюринг одним из первых понял, что машина, которая в состоянии делать за человека часть его умственной работы (расчеты, вычисления), потенциально ведет нас к новой постановке вопроса о разуме в целом. В последующие десятилетия вроде бы абстрактные философские проблемы (что есть разум? что есть добродетель?) еще не раз становились инженерными и чертовски прикладными. Но отметим, что концептуальное осмысление сдвигов, которые происходили с человеческой культурой вместе с ростом ее цифровой вычислительной составляющей, всегда запаздывали. Только

сейчас, к примеру, появляются первые теоретические работы о том, как цифровой капитализм меняет ландшафт повседневности в первые десятилетия XXI века (Zuboff, 2018).

Значение мысли Юдина в контексте трансгуманизма заключается в том, что он изначально видит в human enhancement не только сугубо биотехнологическую проблему, но и набор социальных практик. С точки зрения автора, исторический опыт последних ста лет показывает, что именно социальные технологии, понятные в смысле Мишеля Фуко, оказывают наиболее драматическое влияние на человеческую жизнь. Было бы ошибкой мыслить трансгуманизм исключительно в инженерной и медицинской оптиках, ведь основные эксперименты с человеческой природой развернулись в рамках утопических и тоталитарных политических проектов XX века. Юдин один из немногих авторов, который сумел увидеть связь между проектами вроде конструирования «советского человека» и современных грез об исцелении от болезней, радикальном продлении жизни и бессмертия. Социальное измерение технологического разума открывается автору, вероятно, в том числе в контексте личного опыта жизни в СССР, сочетавшим прогрессистские устремления относительно трансформации человеческой природы и официальную приверженность вере в безграничный потенциал науки. Пример автора, к которому он прибегает сразу в нескольких текстах, — это история Харбинского процесса 1949 года, в ходе которого на скамье подсудимых оказались военные преступники императорской Японии. Участники «Отряда 731» разрабатывали биологическое оружие и ставили эксперименты на людях из числа специально отобранных заключенных. Автор отмечает, что при этом использовалась специальная технология дегуманизации, согласно сленгу «Отряда 731», заключенные назывались термином «марута» (бревно). Уничтожение или расходование «бревен» воспринималось японскими военнослужащими в качестве совершенно естественного процесса. Акцент здесь можно сделать на медицинской этике, и тогда мы придем к тривиальному заключению о недопустимости экспериментов на людях, тем более насильственных. Но ключевая проблема связана с социальным институтом, выстроенным здесь: дегуманизация как культурный жест является условием возможности любых медицинских манипуляций с людьми. В этой же логике Юдин предлагает работать с современным трансгуманистическим проектом: важно не столько, как и что мы будем менять в человеческом теле и разуме, сколько набор гуманитарных обоснований и целей, во имя которых будут производиться подобные манипуляции.

Отставание между технологическим прогрессом и дискуссией о ценностях подводит нас ко второй ключевой теме в наследии Бориса Юдина — так называемой гуманитарной экспертизе, статьи о которой собраны в отдельном разделе книги. Автор предвосхищает и даже предсказывает практики, которые сейчас находятся на подъеме во всем западном мире. В качестве участников гуманитарной экспертизы, философы и эксперты из различных сфер знания от права до компьютерных наук призваны, дать ответы на вопросы о нормативных задачах технологического развития, проследить его риски, предложить этические «правила безопасности» в работе с передовыми, трансгрессивными идеями в науке, такими как искусственный интеллект и биотехнологическая революция, примененная к человеку. Задача гуманитарной экспертизы состоит в том, чтобы шагнуть за пределы университетских кафедр и работать в прямом диалоге с технологическими компаниями и центрами политических решений. Заявляя подобную задачу, Юдин вступает в современную версию «спора факультетов», в рамках которого место философии последовательно сужается до истории философии. Для автора реальность социального и технологического развития генерирует цепочку явлений, которые подлежат концептуализации. Темпы порождений «немыслимых» культурных контекстов особенно увеличились в последние три десятилетия вместе с распадом социального порядка индустриального мира, взрывом новых медийных феноменов и выходом техники к рубежам биотехнологической революции. Могут ли машины быть субъектами морали и знания? Существует ли минимальное определение человека, остающееся константой вне зависимости от его технологической и социальной пластичности? Может ли сходный уровень развития технологий порождать принципиально разные общественные модели? Существует ли акселерационистская утопия¹ в качестве нормативного идеала, на который мы готовы ориентироваться после десятилетий скепсиса? За подобными большими вопросами скрываются десятки более локальных и еще не заданных. Социальные науки готовы исследовать их, но сначала они должны быть сформулированы: технологический хаос порождает золотой век философии.

Рамка для гуманитарной экспертизы по Юдину задается в логике коммуникативного разума Хабермаса. В этом смысле автор остается комбатантом Просвещения, наследником советского шестидесятничества, рассчитывающего на сохранение гуманистических идеалов за

¹Об акселерационистском движении см. Уильямс и ШРичек, Колесник, 2018.

пределами социализма с «нечеловеческим лицом». Здесь намечен некоторый парадокс: ценности делиберации, интеллектуальной и одновременно практической деятельности по прояснению наших ценностей и поиска компромисса в логике модерна исходят из представлений о стабильности человеческих практик. Гуманитарная экспертиза существует лишь постольку, поскольку существует (или должен существовать) человек, который ее проводит и одновременно для которого она проводится. Наиболее радикальные проекты биотехнологической революции, нацеленные на преодоление специфических для человеческого вида физиологических и когнитивных ограничений, фактически запрещают философам говорить. Философская речь, как это показано у Винсента Декомба (Декомб, Головановская, 2011), существует и может претендовать на истину, поскольку наша культурная традиция постулирует наличие субъекта, эпистемологической единицы, способной к поддержанию стабильных отношений с реальностью. Однако преодоление человека, сформулированное как тривиальная инженерная задача вроде «давайте возьмем человеческое тело и человеческие когнитивные навыки и сделаем из них что-нибудь получше» означает, что пространство гуманитарной экспертизы в полном смысле слова может исключаться еще до старта. Мнение людей не принимается в расчет теми, кто мечтает избавиться от человеческого наследия и открыть реальность за пределами, доступными нашему виду.

Одним из пионеров этого движения выступает британский художник Ник Харбиссон, который расширил свои возможности по восприятию цвета, вживив в череп специальную антенну-имплант. Харбиссон настаивает, что его формы самовыражения являются в подлинном смысле кибернетическими: он сделал шаг по ту сторону восприятия мира, характерного для *homo sapiens*. Анализируя представления перспективах трансгуманистического диалога, Борис Юдин фактически ставит вопрос о возможности межвидовой коммуникации. Это сближает задачи автора с актуальным «нечеловеческим поворотом» (*non-human turn*) в эпистемологии, в рамках которого философы ставят вопросы о том, как другие, нечеловеческие существа (в частности, животные, машины и киборги) могут оперировать элементами знания.

Ключевым методологическим термином, с которым работает автор, становится понятие технонауки, которое он заимствует у бельгийского философа Жильбера Оттуа. Последний определяет *technoscience* в качестве состояния знания, при котором невозможно отделить фундаментальные исследования и задачи, связанные с технологическим

ростом и изобретательством. Обе эти сферы тесно переплетены как в рамках конкретной деятельности ученых, так в идеологических предпосылках, на которых строится современные исследования. Техника становится естественным продуктом знания, и ее развитие, в свою очередь, провоцирует научные проблемы, причем все это происходит в рамках естественного горизонта ожиданий людей относительно приоритетов и задач науки. Это не похоже ни на аристотелевский идеал теоретического знания, ни на образцы классической науки, в рамках которого знание хотя и создавалось для покорения природы, но рассматривалось как совершенно самодостаточный феномен. Автор не приводит этого примера, но, возможно, наиболее суверенным примером технонауки являются исследования в сфере искусственного интеллекта, небольшие технологические изменения в которой провоцируют масштабные потрясения в научном знании. Как видно из статьи «Наука в обществе знаний», концепт технонауки становится для Юдина центральным для понимания классических проблем философии науки в ее постпозитивистском изводе. Так, импровизации по мотивам Оттуа ведут автора к дискуссии о природе научной теории, научного сообщества и роли индивида-исследователя в производстве знаний.

На примере фукольдианского понятия медиализации и через ссылку на дискуссию о «нейроапгрейде» человечества из книги Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» Юдин проблематизирует технонауку как деятельность, которая в пределе может быть направлена на уничтожение человека. Здесь он ссылается на трансгуманиста Марка Уолкера, который предложил аналитическое различие между двумя видами совершенства (предела, к которому мы стремимся в рамках human enhancement). Первый вид по Уолкеру предполагает, что наиболее совершенен тот индивид, который наиболее полно реализовал существенные свойства своего вида. Второй — строится вокруг идеи, что совершенство достигается через вневидовую реализацию некоторого качества в наилучшей из возможных форме. Юдин объясняет, что эта дихотомия позволяет нам увидеть границу между «улучшением человека» и созданием новых биологических видов на его основе. В этом автор видит пугающий, но и завораживающий эксперимент по самопознанию человека. «Джамбаттиста Вико утверждал, что человек может понять лишь то, что сделано им самим», — заключает Юдин.

Отдельные тексты сборника посвящены российскому гуманитарному контексту. В статье «Биоэтика в России» Юдин в соавторстве с Ольгой Кубарь анализирует становление дисциплины на отечественной

почве: на легальном положении она оказалась лишь в конце 80-ых - начале 90-ых годов прошлого века. В статье «Медицина как антропология» автор критически исследует наследие Викентия Вересаева, опубликовавшего в 1901 году один из первых на русском языке текстов о медицинской этике — «Записки врача». Здесь противопоставляется нынешняя индустриальная этическая экспертиза и подход Вересаева, способного напрямую выстраивать диалог с пациентом, опираясь на свое нравственное чувство, — автор видит в этом наследие классической русской культуры XIX века, способное вдохновлять и вести за собой исследователей и практиков до нынешнего дня.

Открывается же сборник чрезмерно актуальным текстом «Результативность и добросовестность в исследованиях: историки противостояния», посвященным наукометрии и внедрения наукометрических практик в российский академический обиход. В этой реплике автор, не отрицая необходимости объективных инструментов оценки научной деятельности в целом, резко критикует бюрократизацию академии и практику спуска целевых показателей «публикационной активности» сверху. Альтернатива видится Юдину в становлении института научного самоуправления и появления независимого «корпуса экспертов», в поддержании которого были бы заинтересованы сами исследователи.

Но все же главным предметом рефлексии Бориса Юдина остается человек: переживание утраты нами идентичности на самом абстрактном интеллектуальном уровне, за пределами национальных, культурных или гендерных различий. Размышления автора строятся здесь вокруг переживания «поплывшего ядра»: набора интуиций, через которые человек мог веками определять себя, ссылаясь на христианский концепт души или просвещенческую веру в разум. Тревогу Юдина вызывает тот факт, что утрата концептуальных оснований для самопознания совпала с эпохой новой веры в технологический рывок, когда ницшеанская фантазия о сверхчеловеке становится инженерной банальностью. Начало этого пути было положено биоэтикой, которая благодаря своей генетической связи с медицинской этикой имела некоторые общепринятые представления о норме и патологии. Но что мы теперь возьмем с собой на ковчег трансгуманизма? Что мы должны взять, кто и по каким критериям будет вести отбор? В этом вопросе, возможно, главная интеллектуальная драма нашего современника и русского трансгуманиста Бориса Юдина.

В современной литературе о технологическом росте преобладают алармистские и даже эсхатологические настроения. Так, в работе «Superintelligence» Ник Бостром доказывает неизбежность появления «сверх-

разума», когнитивные способности которого качественно превзойдут человеческие (Bostrom, 2014). По Бострому, это случится за счет исследования и моделирования работы мозга, даже если вычислительная модель искусственного интеллекта окажется несостоятельной. В отличие от визионеров-оптимистов вроде Рэя Курцвайля, Бостром видит в умных машинах угрозу, при этом его рекомендации человечеству оказываются удивительно созвучными идеям гуманитарной экспертизы Бориса Юдина. Фактически, Бостром предлагает предупредить появление «сверхразума», заранее сформулировав правила разработки искусственных когнитивных систем. Решение такой проблемы могло бы стать одной из наиболее амбициозных задач прикладной этики, права и философии. Впрочем, Джеймс Баррат в еще более пессимистической работе «Последнее изобретение человечества» приходит к выводу, что экологическая ниша *homo sapiens* стремительно сокращается уже сегодня. В ближайшем будущем коллаборация новых поколений алгоритмов и биотех-энтузиастов приведет к устареванию гуманитария вместе с его эпистемологическим коррелятом — человеком. В этом эсхатологическом горизонте, все более и более популярном на Западе, на последнем рубеже человеческой науки у нас есть немного времени, чтобы задуматься о происходящем. Тексты Бориса Юдина дают возможность сделать это.

ЛИТЕРАТУРА

- Декомб В. Дополнение к субъекту : Исследование феномена действия от собственного лица / под ред. О. Косыревой ; пер. с фр. М. К. Голованивской. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- Уильямс А., Шричек Н. Манифест акселерационистской политики / пер. с англ. Д. Колесника // Логос. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 7–20.
- Юдин Б. Г. Человек : выход за пределы / под ред. Г. Б. Юдина. — М. : Прогресс-Традиция, 2018.
- Bostrom N. Superintelligence : Path, Dangers, Strategies. — Oxford : Oxford University Press, 2014.
- Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. — London : Profile Books, 2018.

Martynov, K. K. 2020. “U poslednego rubezha nauki [At the Last Frontier of Science]: rensenziya na knigu Borisa Yudina [A Review of the Book ‘Human Being: Going Beyond’ by B. Yudin]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] IV (1), 200–209.

KIRILL MARTYNOV

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

AT THE LAST FRONTIER OF SCIENCE

A REVIEW OF THE BOOK “HUMAN BEING: GOING BEYOND” BY B. YUDIN

YUDIN, B. G. 2018. *CHELOVEK [HUMAN BEING]: VYKHOD ZA PREDELY [GOING BEYOND]* [IN RUSSIAN]. ED. BY G. B. YUDIN. MOSKVA [MOSCOW]: PROGRESS-TRADITSIYA

DOI: 10.1723/2587-8719-2020-1-200-209.

REFERENCES

- Bostrom, N. 2014. *Superintelligence: Path, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.
- Dekomb, V. [Descombes, V.] 2011. *Dopolneniye k sub'yektu [Le complément de sujet]: Issledovaniye fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa [Enquête sur le fait d'agir de soi-même]* [in Russian]. Ed. by O. Kosyreva. Trans. from the French by M. K. Golovani-vskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Uil'yams, A. and N. Shrnichek [Williams, A. and N. Srnicek]. 2018. “Manifest akseleratsionist-skoy politiki [Manifesto for an Accelerationist Politics]” [in Russian], trans. from the English by D. Kolesnik. *Logos* 28 (2): 7–20.
- Yudin, B. G. 2018. *Chelovek [Human Being]: vykhod za predely [Going Beyond]* [in Russian]. Ed. by G. B. Yudin. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Zuboff, S. 2018. *The Age of Surveillance Capitalism*. London: Profile Books.